

Анна Билоус

Д#АЗ-ЛБВОВ-ВАНКУВЕР-Д#АЗ

...Вьетнамцы различают сорок девять видов зеленого цвета. Эскимосы могут назвать более десяти оттенков белизны. Жители Ванкувера свыклись и ужились с многочисленными разновидностями дождя, периодически захлестывающего наше теплое западное побережье.

Грудь огромного камня, возлежащего на побережье Тихого океана, просто посреди утопающего в зелени пляжа Китсилано, украшает неприметная табличка. Если внимательно присмотреться, не отвлекаясь на прыгающих вокруг волейболисток в символических купальниках и волейболистов, фривольно стирающих песок друг другу со спин, на камне можно прочесть позеленевшее описание более чем шестнадцати разновидностей ванкуверских дождей.

Эта незатейливая классификация могла бы совершенно искренне развеселить жителей знойного Сакраменто — столицы Калифорнии — днем и ночью мечтающих о дожде. Я вспоминаю несносную жару Сакраменто. Этот многонациональный город и не подозревает о существовании таких разных дождей: моросящий, косой, звонкий, звенящий, подпрыгивающий, затяжной, хлесткий... О нашем наборе дождей город Сакраменто может только мечтать, а мой родной Ванкувер давно привык, размок и сжился с этой классификацией. Разумеется, и с самими дождями.

...Серым утром Львов напоминает Ванкувер, мою вторую родину. Я сегодня во Львове. Небо затянули тучи. Как и дома, в Ванкувере, моросит дождь. В старом парке у гостиницы «Дністер», куда занесла меня работа впервые за многие годы отсутствия в Украине, играет музыка. На маленькой сцене, театрально изгибаясь, мужчина и женщина танцуют танго. Наблюдая их

профессиональные движения, я гадаю: они танцуют для себя или тренируются для предстоящих выступлений?

Представляю их в роли учителей танца. Они танцуют в ожидании своих учеников. Может, совсем скоро, минут через десять, их окружают другие пары, жаждущие магии движения.

Скопление подобных импровизированных танцевальных кружков можно наблюдать на берегу Рейна, в театральном-кукольном швейцарском городке Базеле. Солнечными летними днями сотни туристов покупают пластиковые непромокаемые сумки ярко-оранжевого цвета, спешно запихивают в них свои одежды и, оставшись в купальниках, прыгают в потоки широкого Рейна.

Волны серой реки подхватывают и медленно несут туристов, распластавшихся на непотопляемых сумках. Они проплывают в серой перистой воде, под пролетами мостов, и глазят на берега, где разноцветные парочки танцуют танго у старых университетских стен в центре Базеля.

...В июньском Львове моросит дождь, и в парке неподалеку от университета, возле гостиницы «Дністер», танцуют двое.

Вокруг ни души, только я и их допотопный «Шарп», своими незатейливыми звуками отгораживающий пару от реальности серого дня.

Танцор темпераментно работает локтями, его сине-туманный пиджак развеивается при каждом движении. Фалды взмывают, словно крылья. Мужчина нежно обвивает партнершу, не давая ей развить скорость, хватко прижимает к себе, явно не успевает за дамой и, кажется, делает ошибки.

Партнерша танцует показательно, не спеша, не волнуясь. Ее уверенный танец — сама жизнь. Обреченная пребывать в плену порывистого скольжения, женщина плавно обнимает стан своего спутника и делится с ним неповторимостью движений. Их шаги ускоряются.

Через минуту хрупкая дама меняет стиль. Покончив с нежностями, она охватывает голову своего мужественного друга обеими руками, прижимает его лоб к своему плечу и вдруг резко отталкивает. Ее ладонь скользит по его вискам. Женщина отпускает мужчину, словно благословляя на подвиги. И вот уже

скользит прочь, складки расклешенной юбки овевают ее тощие колени. Стук ее каблучков плавно растягивается в ритме угасающей мелодии. Танец завершен, партнер обласкан, возведен на пьедестал и благословлен. Он уходит в полумрак беседки — на важное задание, на войну или на все четыре стороны.

Ей теперь все равно, она отдала ему всю себя, он получил все и ушел, его ждут новые свершения.

Передо мной пронеслась целая жизнь, вечная история мужчины и женщины во Львове и в целом мире. Эти двое танцевали только для себя, без оваций и цветов, под низким серым небом, в белой беседке посреди парка, название которого менялось каждое столетие.

...Мои кроссовки покрыты не то росой, не то утренним дождем, и я пытаюсь стряхнуть с них капли и налипшие травинки. В Ванкувере я стираю кроссовки раз в год, в стиральной машине. Пыли и грязи в морском городе почти не бывает.

Я во Львове, бегу вдоль парка.

Надевать спортивные шорты на мягкие лосины меня научила моя канадская подруга. В Канаде люди дружат увлечениями. Мы с подругой сошлись на совместных пробежках. Когда мне лень бегать, терпеливая Кэтрин соглашается ходить быстрым шагом вокруг озера или вдоль набережной.

В Ванкувере люди привыкли одеваться слоями — «сто одежек и все без застежек». Слои одежды, как и слои именинного пирога, называют словом «леерс». «Леерс» много — язык зависает на длинном «э».

В городе, где погода меняется почти ежечасно, многослойная одежда спасает от сырости и ветра, а при необходимости пару слоев легко сбросить. Теплые течения океана согревают побережье Британской Колумбии, вступают в бой с холодными континентальными ветрами, а затем, после нелегкой битвы, отступают и плачут дождями в океан. Как и в Лондоне, в Ванкувере в любую минуту может пойти дождь, а солнце появится из-за туч совершенно непредсказуемо и сразу распарит и разморит.

В европейском Львове мой наряд смотрится не к месту, вязаная шапочка промокла, сбила волосы и прилипла ко лбу.

Я пробежала недалеко, до памятника Адама Мицкевичу, и вот бегу под горку, обратно к гостинице.

Полотно, распятое над серой проволоочной аркой, гласит: «Любіть Україну!».

Я люблю. Я давно тут не была, я люблю ее. Люблю величавые морщинистые стволы сосен на берегах Сокирно, пыльный Владимирский спуск, широкий Дніпро, невидимых лесных мавок, интеллектуальные кафе Львова, запах центрального киевского вокзала, серьезных мужчин в черкасских автобусах и отважных женщин на хрупких каблучках.

«Любіть Україну!» — взывает широкое полотно.

«Кохай свою Тачку!» — отвечает ему пластиковый плакат, дрожащий от ветра на проводах.

«Любіть» и «Кохайте» — из разных миров, и за время моего отсутствия в Украине они не стали ближе.

Я перевожу дыхание и медленно вхожу в фойе гостиницы «Дністер». Непростительно молодой швейцар встречает меня улыбкой.

— Как вам фестиваль? — вежливо спрашивает он.

— Все очень понравилось, — коротко отвечаю я.

Швейцар перестает переступать с ноги на ногу и внимательно оглядывает меня. Я понимаю, что вопрос был задан из вежливости. Еще с прошлой недели вся гостиница заселена гостями джазового фестиваля.

Я шагаю к лифту. Его стальные створки открываются зеркальными горизонтами будущих этажей. Лифт узкий, как принято с советских времен. Странно — подобные лифты встречаются в отелях старой Европы.

Моя американская подруга из штата Теннесси испытывает непреодолимую антипатию к узким парижским лифтам. Она живет в счастливом и музыкальном американском городе Нешвиле, где даже в лифтах действуют законы больших размеров.

В Нешвиле можно много есть, покупая дешевые продукты, носить безразмерные одежды и ездить в просторных лифтах. Город Нешвил, столица музыки в стиле «кантри», и моя подруга Тифани привыкли жить размахисто.

Тифани часто бывает в Париже и предпочитает останавливаться в современных гостиницах подальше от центра. «Чем дальше от центра, тем меньше шансов кормить клопов и застревать в лифте», — пишет она на своей страничке в Фейсбук.

Я отдаю ей должное в справедливости этого высказывания: помню потного французского консьержа, пытающегося втолкнуть ее безразмерный цветастый чемодан в кабинку лифта старинного отеля в центре Парижа. Подруга так и не поместилась в лифте вместе с чемоданом, их отправляли по очереди — сначала подругу, потом чемодан.

Я поднимаюсь на свой этаж в узком лифте гостиницы «Дністер», максимально сжимаюсь и все же одним плечом касаюсь букета в руках роскошной блондинки, а другим упираюсь в одну из двух спортсменок женской футбольной сборной, по случаю сезонных сборов также тут проживающих.

Поднявшись в номер, ложусь на кровать не раздеваясь и вспоминаю вчерашний вечер.

Еще вчера старинный город был всецело отдан празднику джаза. Многоликие мелодии звучали повсюду. Джаз отражался от колоколов львовских соборов, барабанил по булыжникам в центре города, растворялся на перекрестках и целовал прохожих своими бемолями. Еще вчера джаз не знал ни границ, ни национальностей, ему не нужны были визы. Нотными дорожкам, как кони степями Таврии, мчались удивительные мелодии — и уносились в малиновые горизонты Карпат.

А в это время в украинском небе горел самолет, гибли солдаты. Джаз стал неуместен, его отменили, траур окутал фестиваль, город и страну.

...Я включаю телевизор. Телевизор подмигивает разноцветными бликами и возглашает: «Life is Good!», «Лайф Из Гуд!», «Жизнь Хороша!».

Я в городе Льва, в гостинице «Дністер», на четвертом этаже, и я плачу. Я плачу, что упал самолет и разбились люди. Я плачу о том, что на моей Родине идет война, и еще о том, что мне сорок два года, а в Украине — это очень много.

— Вы взрослая женщина, вы можете подождать, — процедила сквозь зубы работница аэропорта Борисполь, встречающая самолет в день моего прилета.

В железном рукаве, нисходящем от лайнера из Амстердама, столпились прибывшие в Украину пассажиры. Они были готовы к встрече, но дверь в аэропорт не открывалась.

По коридору за стеклянной дверью суетились служащие в отглаженной синей форме. Они переговаривались по мобилкам, кричали на кого-то и звали на помощь то техников, то пограничников.

Ключа от стеклянной двери в страну Украина не было ни у кого из них.

Двести пятьдесят пассажиров стремились в Киев вместе со мной, но все мы застряли в рукаве бориспольской безнадежности. Возмущаться не было смысла, затор в аэропорту на входе в Украину — не беда. Беда на войне, а пассажиры могут подождать.

Пассажиры, наверное, могут, а я не могу. Я не была в Украине уже много лет. Бывает так, что ждать невозможно.

Мне надо было поскорее миновать клетку аэропорта, семимильными шагами преодолеть зеленый коридор, срочно вызволить сумку из недр шипящего эскалатора, мгновенно проскользнуть мимо пограничников и спешно скрыться за спинами прилипчивых таксистов.

Я хотела забыть про аэропорт и про то, что мое отсутствие в Украине затянулось. Пока я в рукаве аэропорта, я пассажирка, туристка и странница. Я не отсюда и не своя. Так было, и ничего не изменилось.

...И вот я в Украине, в гостинице, во Львове. В руках у меня пульт телевизора. При каждом включении телевизор выдает разноцветные блики и слоган: «Life is Good!», «Жизнь хороша!».

Я хочу, чтобы так и было, хочу нажимать кнопку сто и двести раз — и видеть жизнь в Украине прекрасной.

И я нажимаю кнопку, взлетают буквы на экран: «Жизнь хороша!», но идет война; вчера над полями Украины сбили самолет с мужчинами, которым не исполнилось и тридцати. Джаз не мог рыдать во Львове, джаз умолк.

...Я вспоминаю юность, пляжи Сокирно и совсем не знакомый мне джаз, который ворвался в мою дискотечную жизнь и повел за собой.

В далекие восьмидесятые в нашем городе по радио джаз было не услышать, его не показывали по телевизору, не выдавали, как дефицитные книги, за сданную макулатуру. К джазу надо было готовиться, словно к встрече с тайным сообществом, много читать и быть посвященным. Читать было нечего. Соседка распечатала биографию Эллы Фицджеральд на заводском принтере без разрешения первого отдела. Первый отдел не любил джаз, и соседку затащили по партийным разборкам.

Для американских рабов, привезенных из Африки, джаз был музыкой неповиновения и свободы, а для заводского первого отдела джаз трубил о жизни сытых и довольных иностранцев. «Сегодня ты играешь джаз, а завтра Родину продашь», — шипел нафталиновый завуч передовой черкасской школы двадцать лет назад.

...Я во Львове. Вперившись в бодренькие блики телеэкрана, вспоминаю высокие сосны Сокирно, а еще — вкусняющие овощное рагу и жареные грибы. Вот мама моей подруги, Лариса Федоровна, молодая и улыбающаяся, она зовет нас с подругой обедать. Мы на турбазе вблизи Черкасс, день движется к закату, медленно опускается солнце, и воздух насквозь пропитан хвоей и сосновой смолой.

Моя подруга Витана уже в домике, а я бегу по дорожке, спешу к обеду.

Как быстро может закончиться лето, если все время бегать! Закончится лето, начнется школа и, словно по велению недоброй феи, полиняют мои друзья.

В начале каждого сентября, по правилам гороно и согласно школьному расписанию, из разноцветных летних фей превращались мои подружки в коричневые грибы с прозрачными ножками, туго зашнурованные в черные форменные фартуки.

«How are you?» — спрашивала осенью завуч — англичанка с грудями-морковками. А как себя чувствуешь, когда в сентябре по стеклам школьных окон унылой рекой плывут бесконечные дожди? И когда с октября в нашей примерной школе с англий-

ским уклоном начинается зубрежка заумных казенных текстов совсем не разговорного английского языка?

...Но лето еще не окончилось, оно длится, и я бегу, спешу к обеду. Я спешу и спотыкаюсь о сосновый корень, предательски торчащий из песчаного грунта. Я спешу и падаю.

Я не просто падаю, я лечу головой вниз и, несмотря на мое тренированное волейбольное прошлое и небольшую скорость, падение неминуемо. Я уже почти касаюсь земли, но чьи-то сильные руки подхватывают меня на лету.

Я лечу вниз, но не падаю, а как Алиса в Зазеркалье, оказываюсь в водовороте спасительных объятий, в стремительном течении смеха и взгляда.

Так началось мое знакомство с джазом.

Поймавший меня на лету парень в модной «джинсе» (тогда еще это понятие употреблялось исключительно в смысле «прикида», а не заказной публикации, как нынче) своей лучезарной улыбкой и пышной копной волос сразу же напомнил мне рыжего Джельсомино. Его выразительные карие глаза обволакивали целиком, как будто помогали крепким рукам остановить меня в объятиях. Бурлящие потоки информации обрушились на меня водопадом вопросов.

«Меня зовут Леонид. А ккуда ты так тторопишься?» — спросил он мелодичным голосом.

Вопрос сопровождался действием. Леонид стряхнул с моих коленок липкие сосновые иголки.

Я отвечала невпопад, рассматривая его руки, широкие плечи и пышные волосы, которые уже касались моих щек.

Спасителей надо благодарить — и я пригласила Леонида на обед.

В нашем домике на турбазе уже был накрыт стол, и моя подруга Витана вращала в руках вилку и дулась на меня. Мама же Витаны расцвела и обрадовалась. Ловко вертя шипящую сковородку и грациозно балансируя между столом и плитой, она подкладывала грибочки и рагу на тарелку Леониду.

Замечу, мама Витаны заведовала реанимацией в областной больнице. Ее, хирурга со стажем, трудно было чем-то удивить, но после знакомства с Леонидом Лариса Федоровна стала по-



вторять с утра до вечера, что, мол, наконец мы, «две дурочки», познакомимся с приличным еврейским мальчиком.

Она приглашала Леонида каждый день, и он приходил к нам в домик не только днем, но и вечером. Днем мы говорили о джазе, а вечером пили чай, играли в покер и «дурака».

Как будто прописавшись у нас на кухне, Леонид рассказывал анекдоты, веселил всех, даже собаку Илку, и в нашем фанерном турбазовском домике, как яркие фейерверки, вспыхивали «джазовые» истории.

С появлением Леонида у нас завелись и магнитофон, и бесчисленные бобины с мелодиями джаза. Днями напролет мы с Витаной выбирали и слушали музыку, усваивали имена исполнителей и вместе с ними переносились то в креольский Новый Орлеан, то в прокуренные клубы Чикаго и Нью-Йорка.

Количество бобин с музыкой в нашем домике росло с каждым днем, как и количество пивных бутылок, сопровождавших наши бурные музыкальные обсуждения.

— Леонид, тебе нравится тема «Осенние листья»? — стремясь выглядеть просвещенной, спрашивала Витана.

— «Осенние листья» — это стандарт джаза... Его играли тысячи музыкантов, — отвечал Леонид.

Витана любила задавать вопросы. Леонид любил рассказывать. Рассказывая, он взмахивал длинными руками, словно раздвигал пространство нашего джазового вакуума.

Мы с Витаной внимали ему с уважением, как старшему брату, но каждая из его лекций рано или поздно перерастала в спор и заканчивалась его монологами о будущем джазовой музыки.

Леонид был старше нас с Витаной всего на год. «Мне девятнадцать, но мне все дают дддвадцать пять», — хвастался он.

«Такой умный, начитанный мальчик», — говорила мама Витаны.

«Он сильно заикается. Я не могу к этому пппривыкнуть, — дразнилась Витка. — Иногда мне хочется поскорее закончить фразу за него».

«Девочки, вы такие грубиянки», — говорила ее мама. Она закрывала за собой дверь нашей спальни и шумно казнила комаров в своей комнате. Казнь производилась бумажной дубинкой, скрученной из газеты «Черкасская Правда».

После ежевечерней охоты на белых стенах домика остались наша кровь и комариные тельца, прилипшие кверху лапками.

Много лет спустя я, желая развеселить маму Витаны, передала ей из Канады электрическую мухобойку, работающую на батарейке. Мухобойка китайская, продается в Канаде и других странах, а в Украине — нет. «Избавляет от предательских укусов мух и комаров», — гласит ярко-красная надпись на упаковке. Дабы уничтожить муху, следовало размахнуться и быстренько достать до нее металлической сеткой, через которую пропущен ток. «Теть Ларис, не забудьте нажимать на кнопочку, что на ручке!» — дописала я черным фломастером на инструкции по применению этого смертоносного оружия. «Твоей заморской мухобойкой надо махать, как бадминтонной ракеткой!» — кричала мне Витана по телефону из Украины в Канаду.

...Я на кровати, в гостинице «Дністер», во Львове. Наверное, я засыпаю.

«Как избавить Украину от предателей?» — вопрошает с телеэкрана широколобый политик. Лоб расплывается и превращается в золотые часы Vreguet. Изо лба выпархивает кукушка и тонким голоском вопит: «Каждому предателю выдать дорогие часы и отправить в Швейцарию!» Политик протокольно улыбается и золотыми зубами откусывает кукушке голову.

«Надо привлечь импортеров и завезти в Украину китайские электромухобойки!» — возглашает безразмерным ртом женщина-депутат с пероксидными волосами. Рот растягивается, и из него вырывается: «Ббейппппредателя и терррррористааааааааа...!» «Иззззззвините, я дддддепутат, я волосы кккккрасила перед выступлением, это был русский краситель, и волосы ппппосинели! У меня так много дел, а волосы все сссиние...» — рыдает она с трибуны. «Как мне теперь воевать с террористами? Я вас сссспрашиваю!» — несносно вопит красный рот.

Я понимаю, что она спрашивает меня. «Я думала, все заики — хорошие люди, — начинаю я очень медленно. — Чтобы избавиться от террористов, вам надо поменять батарейку, она у вас с прошлых выборов не менялась», — так же медленно добавляю я.

Женщина-депутат не слышит моего ответа, я говорю громче, а слова превращаются в шепот, я пробую закричать — и просыпаюсь...

«Life is good!», «Жизнь хороша!» — напоминает плазменный телевизор. Я все еще в гостинице «Дністер», во Львове.

...За джазовым летом пришел сентябрь, и по возвращении с турбазы мы с Виткой почти не виделись — учились в разных школах.

Всю четверть я прилежно терпела своих громогласных учителей, колючую школьную форму и длинные поездки в мокрых троллейбусах, двери и стены которых время от времени внезапно стреляли током в задумчивых пассажиров.

Я молча терпела свою школьную безысходность и копила в дневнике замечания от учителей о моей уникальной рассеянности.

Я ждала его звонков.

Приезжая из Одессы, Леонид звонил и враз переворачивал мой размеренный мир своими бесконечными анекдотами и немыслимыми историями из мира музыки.

Изредка мы виделись, но больше говорили по телефону, а затем он снова возвращался к своим пенатам, исчезал в джазовых джунглях теплой Одессы. Настоящий джаз контрабандных пластинок черноморской волной смывал Леонида с берегов Днепра и заманивал к себе дешевым пивом и студенческими вечеринками.

Леонид исчезал, а со мной оставался целый список иностранных имен, названий книг и мелодий. Я спешила, читала и слушала, но я не успевала за ним.

В Черкассах джазом и не пахло. Вместо джаза и музыки вообще мне доставались серые дни, наполненные техническими переводами иностранных текстов и часами несносной политической информации, которая снова вошла в моду передовых школ.

Во время уроков я старалась почаще смотреть в окно, считать облака. В облаках можно было витать неделями и месяцами, там можно было забыть про генеральных секретарей партии, скоропостижно сменяющих друг друга, про бесконечные партсъезды, о которых надо было всегда что-то помнить, и про

неудобоваримую физику. Облака улыбались мне лицом Эллы Фицджеральд, ветер дул в сверкающую трубу...

Элла Фицджеральд снилась мне почти каждый день. «Потейто или потато, томейто или томато?» — спрашивала она томным голосом, а я обижалась и голосом строгой пионервожатой спрашивала ее в ответ: «Когда появится Леня? Я хочу, чтобы он был рядом, хочу вечно слушать его истории, смотреть в его глаза и дуть на одуванчик непослушных волос...»

Элла ухмылялась моей несмысленности. «Леня в Одессе, в Одессе — джаз. В ваших Черкассах ему нечего делать», — проносила она в одном из моих снов.

Сны путались изо дня в день. Элла превращалась в завуча-англичанку и потом снова в Эллу... Леня не приезжал очень долго, но потом вдруг позвонил.

«Ддавай увидимся?» — после очередного анекдота по телефону сказал он.

«Давай», — ответила я.

Душа ринулась в пятки, сердце затрепыхалось в горле, я не знала, о чем говорить, я так ждала этого момента, — он снова где-то рядом!

«Ггде?»

Уверенная в себе ученица выпускного класса школы с английским уклоном запинаясь и заикаясь, не зная, что сказать... Вспомнила о его заикании, испугалась быть уличенной в кривлянье...

Он говорил и спрашивал, а у меня потели ладони, голова кружилась.

Я знала, что уже не смогу встретиться с ним просто так. Он умный и при встрече все поймет. Все станет ясно, как белый день, как «черным по белому» и «шито белыми нитками», как говорила бабушка.

«Приходи к памятнику Ленина», — на одном дыхании сказала я.

«Ппочему именно туда?» — спросил Леонид.

«Там вечером прожектор светит, будем целоваться прямо под ним», — ответила я решительно.

«Бббегу...уже почти там!» — почти крикнул в трубку Леня.

Весь вечер я провела на диване. Телефон звонил не меньше полчаса, а я сидела рядом и гипнотизировала трубку, считала звонки, не

отводя глаз от диска с цифрами. В моей голове звонко гудел саксофон, а ноги превратились в мягкие валенки. Свидание не состоялось.

Леонид снова исчез на год или два.

...В Черкассах шли дожди со снегом, свадьбы носили цветы к памятнику вождя, организаторы филармонии клеили белые объявления о концертах Глюка. Белые объявления тут же линяли и превращались в желтые простыни с расплывчатыми очертаниями букв.

О джазе в городе не было слышно ничего.

Элла Фицджеральд больше не снилась мне, она уплывала в парах До-диеза и сменялась серыми снами про временные склонения английских глаголов, бесконечными снами о забытом в темных коридорах школы портфеле и затяжных прыжках над волейбольной сеткой.

Много лет говорить о джазе не хотелось ни с кем.

...Неделю тому назад после многих лет отсутствия я снова в Украине.

Я позвонила моей тете Марии и на маршрутке поспешила к ней из Киева в Черкасы. Меня не пугала ни сорокоградусная жара, ни недавний взрыв заправки на трассе. Я должна была увидеть мою тетю.

«У тебя есть хороший шанс, работа привела тебя в Украину, и ты не можешь уехать, не повидав мою сестру», — говорил мне мой папа по телефону из Сан-Франциско. «Сделай доброе дело, своди Марию в Макдональдс, — уговаривал он. — Мы столько лет уже в Америке, а она там одна, наверное, никогда и не ела в Макдональдсе».

У моего папы солидный восемнадцатилетний стаж пребывания в Америке, и, как для каждого среднестатистического американца, общение с Макдональдсом символизирует для него дешевизну и стабильную жизнь.

Я понимаю, что американская забегаловка для моей черкасской тети не значит ровным счетом ничего, и я не всегда слушаюсь родителей, но в этот раз папина просьба обретает для меня некий тайный смысл.

Я жду мою семидесятипятилетнюю тетю напротив Макдональдса, на остановке «Дом Торговли».

Она приезжает автобусом. Я вижу ее яркое платье, мелькнувшее вдалеке между ларьками. Мне кажется, что это она, но я сомневаюсь.

Она подходит уже совсем близко. Ровная, стройная спина, прекрасная посадка головы, белоснежные волосы. Это несомненно она. Я бегу, обнимаю тетю Марию, целую ее щеки, глажу плечи и яркое цветастое платье.

Тетя Мария пахнет травой. Ее щеки, словно стволы сосен, испещрены морщинами, модные лет двадцать назад белые босоножки выглядят, словно купленные вчера.

«Я бережливая, — говорит она, поймав мой взгляд. — У меня нет ни детей, ни мужа, но вещи беречь я умею...»

Обнявшись и не замечая прохожих, мы пересекаем две дороги и входим в Макдональдс — он напротив «Дома Торговли», формой напоминающего кукурузный початок.

Тетя Мария не ведала о существовании бутерброда Биг-Мак, завернутого в бумажку с буквой «М», и липком мороженом в прозрачном стаканчике, не ела картошку фри, резиновые американские котлеты или сэндвич филе о фиш.

«Раз брат сказал, надо попробовать, — поправляя волосы, говорит она. — Брат сказал, чтобы я сходила в Макдональдс и наелась по-американски. Надо есть эту булку, булку с котлетой, как брат сказал», — повторяла она.

«Ты спрашиваешь про меня? У меня все хорошо, я пенсионерка, езжу между Черкассами и Шполой, много читаю, все хорошо».

«У нас в Украине все есть, и люди работающие, все хорошо, если бы не война...»

Тетя Мария заняла место за столиком на улице, прямо напротив шумной остановки, а я поспешила купить еду. Безразлично поев и не сказав о еде ни слова, она вытерла губы бумажной салфеткой и стала не то жаловаться, не то давать наставления.

Начала тетя с местных новостей о помидорах и пенсиях, похвалила воду из своего колодца в Журавке, а затем, наверное, представив меня маленькой девочкой, сладко растягивая слова, мелодично запричитала: «Запомни, Танюша, каждый шаг нашей жизни — это испытание. Каждый сегодняшний шаг меняет нашу будущую жизнь. Делай правильные шаги».

Я опустила глаза и перечитала надпись на моей белой футболке, купленной неделю назад в барселонском секонд-хенде. Рядом с модными индийскими иероглифами и цветами горели алым английские слова: «Твой Правильный Шаг Сегодня».

Тетя Мария не знает английского. «Надо все взвешивать и быть осторожным... Каждый неверный шаг — опасность. Тетянка, ты открой подруге двери, только сердце ей свое не открывай!» — продолжала тетя.

Слова ее наставлений зависали надо мной, словно таинственная мантра.

«У меня в Канаде мало подруг», — отвечаю.

Тетя Мария улыбается, будто не слышит моего ответа, повторяет все снова и снова, обнимает, гладит мои руки. Я чувствую, что вот-вот разревусь — тут же, за столиком в Макдональдсе.

Обняв Марию, прошу сказать пару слов на камеру для ее брата, моего папы, и снимаю послание на телефон. «Чтобы все у всех было хорошо!» — перекачивается многократно, как нефритовые четки в руках старейшины рода.

Мы не виделись много лет и вот снова расстались, не всплакнув, на автобусной остановке.

На бетонном столбе бывшей остановки «Комсомольская» приклеен плакат. На плакате нет ничего о концертах Глюка. Широкая афиша перечисляет участников джазового фестиваля во Львове.

«Куда ты едешь дальше?» — вытирая белым платочком вспотевшее лицо, уже со ступеньки автобуса спрашивает тетя Мария.

Я перевожу глаза на плакат и отвечаю: «Еду на три дня во Львов. Туда прилетает мой заказчик из Индии».

«Счастливо! Счастливо доехать, Танюша... Позвони мне, когда будет свободная минутка. До побачення!» — грохочущие двери старого автобуса заглушают ее мелодичный голос.

Я не люблю остановки и прощания...

«Я чувствую себя лучше в аэропортах и часто хожу в аэропорт для поднятия настроения. В зале прилета всегда много положительной энергии. Люди прилетают радостные, обнимают друг друга. Этой энергией можно зарядиться на целую неделю», — говорила мне в Ванкувере Оксана, моя подруга. «Оксана, я с тобой», — мысленно отвечаю ей из Черкасс.

...Білі фіранки тріпочуть над вікном моєї кімнати в готелі «Дністер».

Я у Львові й не можу спати. Мій ранок починається з туману, що відривається молочними коциками від сонного парку, де пари танцюють танго на маленькій сцені в білій ротонді. Подихами зеленого листя столітніх дерев парк промовляє до мене. Він єдиний вітає мене в Україні, у місті Лева.

Велична архітектура, вузькі середньовічні вулиці, різнокольорові кав'ярні обіймають мене, заохочують, беруть у полон розмаїттям смаків і пахощів. Цього разу мій приїзд до Львова співпав із міжнародним святом джазової музики. Місто захопили потоки мелодій. Прадавні церкви, костьоли, синагоги, кав'ярні, тролейбуси й навіть голуби дослухаються чарівних заморських мелодій.

Вулиця Вірменська завжди відкрита у Львові для дружби та кохання, а сьогодні — й для джазу.

Я поспішаю сірою бруківкою, закохуюсь у занедбаність її краси. Давнина і незавершеність деталей: недофарбовані будинки, старезні капелюхи дахів, щербаті труби, що голками стримлять у небі, говорять про причетність до вічності.

Старовинне місто Львів не в'яне. Місто чарує й надихає, наче вродлива жінка бальзаківського віку. Гадаю, у міста, як і в жінки, не гречно питати, скільки йому років, — лише марити майбутньою зустріччю. Можна скільки завгодно готуватися до відвідин міста Лева, а опинившись тут одного прозорого ранку, несподівано почувитися нетямущим учнем.

Якщо потрапиш до Львова вранці, прокинешся з ним і подихаєш ранковим повітрям, поспідаєш і по мандруєш його лабіринтами, то вже в обід закохаєшся в нього, потонеш від кохання в очах вікон площі Ринок, загубишся в липових алеях та бульварах, захлинешся любов'ю у винно-червоних кольорах вірменських фресок<sup>1</sup>.



<sup>1</sup>Белые шторы танцуют ветреный танец на окне моей комнаты в гостинице «Днистер».

Я во Львове, и мне не до сна. Мое утро начинается с тумана, который отрывается молочными кусками от сонного парка, где пары танцуют танго в белой ротонде, на маленькой сцене. Парк как будто разговаривает со мной дыханием зеленой листвы столетних деревьев. Он единственный, кто приветствует меня в Украине, в городе Льва.

Величественная архитектура, узкие средневековые улицы, разноцветные кофейни подбадривая обнимают меня и захватывают в плен пестротой вкусов и запахов.

В этот раз мой приезд во Львов совпал с международным фестивалем джазовой музыки. Город заполнили потоки мелодий. Старинные церкви, костелы, синагоги, кофейни, троллейбусы и даже серые голуби заслушались волшебных заморских мелодий.

Улица Армянская всегда открыта во Львове для дружбы и любви, а сегодня она открыта и для джаза.

Я спешно шагаю мощеной улочкой и сразу же влюбляюсь в неухоженность ее красоты. На каждом шагу древность города подтверждается незавершенностью деталей: местами неокрашенные дома, дряхлые шляпы старинных крыш, выщербленные трубы, иголками торчащие в небо, заявляют о своей причастности к вечности.

Древний город, Львов, не вянет в веках. Вечно молодой, он очаровывает и вдохновляет мечтами, словно прекрасная женщина бальзаковского возраста.

Мне кажется, что с городом, как и с женщиной, не стоит говорить о возрасте, а лучше во сне помечтать о будущей встрече с ним.

Можно сколько угодно готовиться к посещению города Льва, а попав сюда в одно прозрачное утро, вдруг неожиданно почувствуешь себя неподготовленным желторотым учеником.

Как попадешь во Львов с утра, проснешься с ним и подышишь утренним воздухом, позавтракаешь и попутешествуешь его лабиринтами, то уже в обед влюбишься в него, утонешь от любви в глазах окон Базарной площади, потеряешься в липовых аллеях и бульварах, захлебнешься любовью от винно-красных цветов армянских фресок (*пер. с укр.*).

Вот и я блуждаю городом и снова влюбляюсь в него. Улица Армянская змейкой ведет меня на джем-сешн джаза, в одну из львовских кофеен. Я открываю дверь и удивляюсь: море людей собрались послушать музыку. Внимательные и удивленные лица, аромат кофе, сувениры для светлых туристов смешались в небольшом помещении. Я слушаю непревзойденного Трилока Гурту, и мой кофе наполняется мелодиями далекой Индии.

Воздух вибрирует в бешеном ритме. Семь сковородок и восемь барабанов веют теплыми ветрами, замешивают звуки и запахи Индии в прозрачный воздух кофейни и медленно переносят слушателей в Африку. Пустыня и песок — все исчезает, остается Гуру Гурту с бешеным мельканием ладоней и кулаков, способных творить чудеса.

Слушатели застывают соляными столбами. Чашки на столах танцуют под дивное соло.

Воздух в кофейне наполняется муссонными ветрами, проливающимися барабанными дождями, сошедшими с индийских западных гор, Гхат.

От рокотания неба, расшевеленного великим Зевсом Гурту, дрожат столы и стулья, а в моем белом блюдечке расплескивается кофе, словно озеро Ман Сагар.

Я растерянно погружаю пальцы в кофе и вылавливаю пергаментный свиток, уже прилипший к моей чашке. Рыжеволосая, словно лисичка, официантка следит за моими движениями, улыбается мне и как будто вместе со мной радуется чудесному спасению сверточка.

Я разворачиваю бумажку, и она медленно превращается в текст коротенького четверостишья подаренного мне в праздник свидания со Львовом.

*...Можно было признаться когда ждал  
Чтобы упала звезда  
А когда обсыпалось все небо  
Ни одна мечта не сбылась...*

Вдруг, за одним из столиков, я замечаю моложавого, но совсем седого мужчину, чей профиль возникает передо мной

неожиданно, как луна. Я всматриваюсь в его лицо и забываю о сцене, где кисточки на барабанах застыли, как овцы, прибившиеся к чабану.

Я не могу отвести глаз от профиля мужчины, от его коротко стриженных волос. Он все еще слушает музыку, но чувствует на себе мой взгляд, поворачивает голову, опирается на стул. Я вижу его карие глаза, широкие плечи, его губы, которые медленно растягиваются в удивительную безразмерную улыбку.

— Какими судьбами, Татьяна? Танечка, это правда ты?

— Леонид, это я, — только и могу сказать в ответ.

Я протягиваю руку. Моя рука вдруг утопает в его ладони. Леонид встает и всем телом обнимает меня.

Музыка барабанов льется во львовской кофейне, как волшебный ванкуверский дождь. Я чувствую тепло сокирнянского солнца, которое неожиданно разлилось навстречу лету, львовским кручам и мне.

Леонид обнимает меня между столиками кофейни, напротив больших и маленьких барабанов, среди внимательных слушателей. Я задыхаюсь от неожиданности его близости. Волшебные ноты индийских мелодий медленно кружатся и обворачивают нас голубым сари, сотканным из львовских туманов.

Грохочут барабаны Индии, под их музыку у меня вырастают десятки рук, и все они длинными вьющимися лианами оплетают Леонида. Мои длинные волосы покрываются цветами роз, тянутся вместе с лианами к Леониду и дальше вверх к небу, будто спешат за громом барабанов...

Концерт закончился, слушатели загремели стульями и потянулись к дверям.

Наши руки разомкнулись.

...«У нас война, Танюша, и джаза завтра не будет, концерты отменили...» — говорит Леня уже на улице.

Ветер относит его неповторимый голос, будто снова хочет разлучить нас.

Я киваю ему в ответ.

«Я завтра начинаю свой медицинский проект, это по работе с больницами. Когда я снова увижу тебя, Леонид?» — спрашиваю я.

«Дорогая моя, сколько же лет мы не виделись?» — он говорит и морщит лоб.

Вместе идем вверх по улице, к парку.

Мы на планете Земля, в галактике Млечный Путь. Он виден частями из любой точки земной поверхности. Я смотрю вверх. На небе ни облачка. Мое запястье обнимает его широкая ладонь.

Млечный Путь кажется тусклой светящейся дорогой, а на самом деле состоит из огромного количества звезд, по отдельности просто незаметных никому.

Я хочу сказать Леониду о том, что если из Млечного Пути выпадет одна звезда, может появиться брешь, которую с Земли не заметит никто, а если пропадет сто или двести звезд, Млечный Путь превратится в дырявую сеть, и она не сможет удержать Вечность Жизни. Сеть порвется, и Вечность рассыплется. Скажу ему об этом обязательно, но только завтра.

Он ласково смотрит на меня и говорит о своей жизни. Смысл его слов обрывками доходит до меня.

По дороге в гостиницу я вспоминаю афиши ванкуверского джазового фестиваля, которому уже много лет. Я думаю о том, что я так ни разу и не посетила его.

В парке, у белой беседки, Леонид снова обнимает меня, и мне не хочется больше вспоминать о доме.

«Я завтра еду на войну. Там все мои друзья, и я не могу не пойти, не могу оставаться в стороне. Мой поезд уходит в восемь утра», — говорит Леонид.

«Но я только что встретила тебя»...

«У нас вся ночь, луна и джаз», — улыбаясь, отвечает мой джазовый герой.

...Утром я вспомнила стихи, вернее, мы с Леонидом вспомнили их вместе, на перроне Львовского вокзала, на сорок девятом градусе северной широты, двадцать четвертом градусе восточной долготы, на высоте двести восемьдесят четыре метра над уровнем моря, в стране Украина, на планете Земля, где все еще длится война:

Только поезд вдаль загрохочет — оживет вереница картин, звон гитары и лунные ночи, поцелуи и грусть георгинов...

...В украинском центре города Ванкувера в последнее времялюдно.

Сегодня все столы завалены упаковочной бумагой, бечевкой и скотчем. Вокруг столов носятся дети. Их родители не обращают внимания. Они готовят посылки в Украину.

Вчера поступили новые пожертвования, и волонтерам предстоит запаковать громадные ящики для отправки в Украину, в зону АТО.

Три месяца назад я начала помогать волонтерам. Я сортирую вещи, пишу декларации, веду переговоры с транспортными компаниями.

Вот уже много месяцев подрядчики, водители, капитаны судов и их команды, волонтеры разных стран работают, не покладая рук. Ценный груз канадских пожертвований будет доставлен по назначению.

В одной из необъятных посылок, уходящих сегодня в Украину, лежит и моя передача Леониду: большой пакет набит канадскими теплыми носками и свитерами, витаминами и жвачкой. В пакете среди разноцветных упаковок притаился новенький айпод.

Все сорок часов его металлической памяти заполнены джазом, и только три минуты заняли слова, которые я так и не сказала Леониду у памятника в Черкассах, двадцать четыре года тому назад.

*Vancouver, January 2015*